

В зале важнейшие сановники двора опустили головы и уставились в пол, думая про себя: «Эти слова вам бы сказать прямо в лицо Ван Цзыфэну!»

Министр ритуалов хмыкнул и передал экзаменационную работу Тан Шэня левому заместителю.

— Аргументация исчерпывающая, слог выверен, почерк изящен. Внесите его в число десяти кандидатов.

— Слушаюсь.

Где уж Тан Шэню было понять всю заботу своего старшего соученика!

Седьмого числа четвертого месяца двести девяносто один выпускник столичного экзамена облачились в одежды цзиньши и вновь переступили порог императорского дворца.

В этот день дворец Цычэнь заполнили гражданские и военные чиновники. Как и во время обычных утренних аудиенций, гражданские стояли слева, а военные — справа. Разумеется, более двухсот цзиньши не могли целиком уместиться во дворце Цычэнь. В три четверти часа тигра, когда небо на востоке едва окрасилось в цвет рыбьего брюха, старший евнух Цзи Фу вышел из дворца Цычэнь и громко провозгласил:

— Двадцать седьмой год эры Кайпин! Успешно сдавшим столичный экзамен войти во дворец Цычэнь для представления Императору!

Едва смолк его голос, как два молодых евнуха, стоявших у подножия первого пролета каменных ступеней, в один голос прокричали:

— Двадцать седьмой год эры Кайпин! Успешно сдавшим столичный экзамен войти во дворец Цычэнь для представления Императору!

Чуть ниже еще четыре евнуха хором подхватили клич.

Этот зов повторили в общей сложности тридцать один раз. Их тонкие, пронзительные голоса звучали на удивление громко, эхом разносясь по всему императорскому дворцу.

Затем Цзи Фу выкрикнул имена десяти кандидатов, отобранных для борьбы за первые три места, приказывая им войти в зал.

Имя Тан Шэня шло пятым — это означало, что проверяющие экзаменационные свитки судьи поместили его на пятое место среди этой десятки. Опустив голову, Тан Шэнь со спокойным лицом вышел из строя и вместе с остальными девятью кандидатами направился во дворец Цычэнь.

Среди этой десятки были и Яо Шань, чье имя прогремело еще до начала столичного экзамена, и Ван Сяо, занявший первое место на этом экзамене, а также двое соучеников Тан Шэня по Академии Гоцзыцзянь — Лю Фан и Мэй Шэнцзэ.

Но сейчас даже близкие друзья не осмеливались шептаться. Все десять человек с опущенными головами вошли во дворец Цычэнь и выстроились в два ряда по пять человек в соответствии с тем порядком, в котором их вызывал Цзи Фу.

В просторном зале слышалось лишь легкое дыхание, и ни единого лишнего звука.

Дворец Цычэнь служил местом, где государь династии принимал министров и проводил утренние аудиенции. В ширину он насчитывал девять пролетов, а в глубину — пять, что символизировало величие Императора как владыки девяти и пяти. Подняв взор, можно было увидеть двухъярусную крышу из желтой глазурованной черепицы и расписной потолок, покрытый золотым лаком. В самом центре зала висела табличка. При прежнем императоре на ней красовались четыре иероглифа: «Помни о конце так же, как о начале». Однако уже в нынешнее правление, десять лет назад, Император Кайпин Чжао Фу собственноручно сменил надпись на «Постигни единое — и завершишь тьму дел», что восходит к строкам из даосского трактата «Чжуан-цзы»: «Кто постиг единое, у того завершены все дела; кто не имеет корысти в сердце, тому покоряются и духи, и боги».

Когда все десять кандидатов собрались, Министр ритуалов Мэн Лан поднес золоченый поднос и представил экзаменационные свитки дворцового экзамена этих десяти человек Чжао Фу.

Чжао Фу не стал сразу брать свитки, а с улыбкой произнес:

— Поглядите, любезные министры, каждые три года Мы видим десять новых черноволосых затылков.

Затем Чжао Фу добавил:

— Впрочем, на сей раз Мы ошиблись. Там, внизу, у одного волосы уже подернуты сединой. Как твое имя?

Этот человек занимал седьмую строчку в десятке. Еще до столичного экзамена Тан Шэнь слышал о нем: он был Цзеюанем из какой-то местности в Шаньси.

Услышав, что к нему обращается сам Император, пожилой кандидат, которому было уже за пятьдесят, расчувствовался до слез. Он тут же опустился на колени и назвал свое имя.

— Небо вознаграждает усердие, — промолвил Чжао Фу.

Всего четыре слова заставили старого ученого разрыдаться от избытка чувств.

Чжао Фу повелел десяти кандидатам поднять головы, и те повиновались. Для некоторых из них сегодняшний день мог стать единственным разом в жизни, когда они оказались столь близко к государю. Тан Шэнь стоял с самого края в первом ряду, молча и смирно опустив глаза. Он слышал, как Чжао Фу беседует с чиновниками, а затем обращается к Министру ритуалов Мэн Лану.

Такого государя никто не посмел бы назвать бестолковым правителем. Пусть даже он был одержим поисками бессмертия и тратил колоссальные государственные средства и силы на поиски мифических островов в океане, страна под его началом процветала. Простые люди оплакивали кончину выдающегося ученого-конфуцианца Чжун Тайшэна и других великих мужей, но никто не питал ненависти к императору.

Чжао Фу не был мудрым правителем, но умел сохранять наследие предков. Он приближал к себе подлецов, таких как Глава Астрономического приказа Ли Сяорэнь, но не верил им слепо. Сегодня он произнес всего несколько фраз, однако Тан Шэнь, искоса взглянув на стоявшего рядом Мэй Шэнцзэ, заметил, что лицо того оставалось бесстрастным. В душе Тан Шэнь лишь вздохнул: его друг явно принял решение стать преданнейшим слугой императора!

Искусством управления людьми Чжао Фу владел в совершенстве!

Сказав еще несколько слов, Чжао Фу принялся просматривать экзаменационные работы десяти кандидатов. Это и называлось «Высочайшим чтением свитков». В качестве единственного главного экзаменатора на дворцовом экзамене император принимал решение сам; десять проверяющих судей могли лишь составить свой список, но до самого последнего момента никто не знал, как именно государь изменит этот порядок.

Чжао Фу слегка наклонился вперед со своего драконьего трона и ворошил свитки рукой.

Читал он быстро, явно пробегая текст глазами. Но перед одной из работ Чжао Фу на мгновение замер. Он негромко произнес фразу — столь тихо, что услышал ее лишь стоявший подле него Цзи Фу, в то время как даже Министр ритуалов ничего не разобрал.

Цзи Фу тут же вскинул голову и пристально посмотрел на Тан Шэня.

Тан Шэнь, как и остальные кандидаты, до этого украдкой разглядывал государя, но стоило Цзи Фу бросить на него взгляд, как он быстро опустил голову, так что они не встретились глазами.

Глядя на молодое и миловидное лицо Тан Шэня, Цзи Фу подумал: «Кто бы мог подумать, что то Посещение императором академии Пиюн принесет ему столь огромную выгоду!»

Что же только что сказал Чжао Фу?

— «Боюсь растревожить небожителей»? Но раз уж они встревожены, как нам теперь быть?

С этими словами Чжао Фу взял кисть с киноварью и решительно перенес имя Тан Шэня с пятого места на третье.

На дворцовом экзамене триста цзиньши разделялись на три разряда, включая Третью группу выпускников. Первая группа выпускников получала высшую степень «цзиньши циди» — это были лишь трое: чжуаньюань, баньянь и Таньхуа. Вторая группа выпускников получала степень «цзиньши», и в нее входило некоторое количество человек. Третья группа выпускников получала степень «равнозначный цзиньши». Цзи Фу поразился именно тому, что Чжао Фу самолично поднял Тан Шэня на целую группу вверх!

Другие не знали Чжао Фу так хорошо, но Цзи Фу прекрасно понимал: какими бы красивыми речами ни рассыпался император и как бы ни разыгрывал любовь к народу, словно к собственным детям, на самом деле за все эти годы Чжао Фу ни разу не проявил подлинного интереса к государственным экзаменам и дворцовому экзамену! Сегодня он вещает: «Небо вознаграждает усердие», а завтра, увлекшись даосскими практиками, и думать забудет, как выглядел тот старый кандидат, которому предназначалось это «усердие».

Владыки бесстрастны, но то, что Чжао Фу возвысил Тан Шэня в группе выпускников, говорило об одном: император его запомнил. И пусть тот стал всего лишь Таньхуа, его будущее могло оказаться куда более блестящим, чем у чжуаньюаня этого года!

Цзи Фу мысленно накрепко запечатлел имя Тан Шэня.

Когда Чжао Фу закончил осмотр, Министр ритуалов забрал свитки обратно. Раскрыв их и увидев измененный государем порядок, он дрогнул бровями и украдкой взглянул на Ван Чжэня, стоявшего в толпе чиновников.

Ван Цюань же, устремив взор на кончик носа, а с носа — на сердце, стоял с опущенной головой и сосредоточенно считал плиты на полу дворца Цычэнь!

Мысленно обозвав его притворщиком, господин Мэн принялся объявлять имена тех, кто вошел в Первую группу выпускников этого года.

— Двадцать седьмой год Кайпин! Новый чжуанъюань — Яо Шань, Яо Вэньцзи!

Яо Шань и без того занимал первую строчку в списке Мэн Лана и прочих судей. Услышав свое имя, он не смог сдержать радости, поспешно шагнул вперед и отвесил глубокий поклон.

— Новый банъянь — Ван Сяо, Ван Дайюэ!

Ван Сяо изначально шел вторым, так что он тоже сделал шаг вперед.

— Новый Таньхуа — Тан Шэнь, Тан Цзинцзэ!

Сердце Тан Шэня пропустило удар, в его глазах промелькнуло удивление, однако он не выдал своего волнения и невозмутимо шагнул вперед.

Следом Министр ритуалов огласил имена тех, кто попал во Вторую группу выпускников, а все оставшиеся вошли в Третью группу выпускников со степенью «равнозначный цзиньши».

Мэн Лан зычно объявил:

— Оглашение результатов завершено! Всем цзиньши выразить почтение Сыну Неба и возблагодарить великих наставников!

В этот миг и десять кандидатов в зале, и более двух сотен выпускников за его дверями, и все присутствующие гражданские и военные сановники простерлись ниц перед Чжао Фу, завершая последнюю церемонию великого оглашения.

После того как Чжао Фу удалился, Тан Шэнь и двое других победителей покинули императорский дворец через центральный проход Врат Сюань, в то время как всем остальным пришлось выходить через боковые ворота.

Ступив за ворота дворца, Тан Шэнь с облегчением вздохнул и невольно огляделся, надеясь отыскать среди расходившихся чиновников своего старшего соученика. К сожалению, Ван Чжэня нигде не было видно; отсутствовали и несколько высших сановников первого и второго рангов — по всей видимости, Чжао Фу оставил их при себе.

Тан Шэнь и сам толком не понимал, с чего вдруг ему так приспичило найти Ван Чжэня. Не успел он об этом задуматься, как снаружи дворцовых врат раздался оглушительный гул. Выпускники вышли за внешние ворота и увидели, что широкая улица по обеим сторонам буквально забита ликующим народом!

Казалось, все юные девы Шэнцзина собрались здесь в этот день!

Завидев чжуанъюаня, банъяня и Таньхуа, выходящих из центральных ворот, толпа затаила дыхание, а незамужние девушки во все глаза уставились на победителей. Яо Шаню было уже за сорок, он отличался крепким телосложением, но лицо его было довольно суровым и мужественным. Заметив, что идущий впереди чжуанъюань больше походит на закаленного воина, девицы невольно приуныли.